

Первая охота прошла для меня, как во сне – слишком легко давалась Нер'Зулу добыча зверя. Он знал, куда идти, ветерок отгонял надоедливую мошкарку, а грязь не липла к ногам. Он был чересчур сосредоточен на охоте, чтобы замечать эти несуразности. Я бы тоже не заметил, ведь подобное происходило «со мной» уже не раз, и лишь сейчас это проявилось столь зримо. Кроме того, я чувствовал, как неосознанно воздействую на окружающий мир. Это чувство было нельзя передать словами – аналогов её у меня раньше не было. Похоже, я, сам того не подозревая, уже работаю с духами. Это не было удивительным – Нер'Зул прославится тем, что мог *мгновенно* призывать даже сильных духов. А это очень необычно для орков Дренора. Нечто подобное могли делать лишь старшие шаманы клана. Может, не зря одарённых иницируют после совершеннолетия? Ведь именно сейчас мои способности вышли на новый уровень...

Триумф вернувшегося в клан Нер'Зула взял новую высоту – теперь он взрослый, а кроме того, его ждала Рулькан. Черноволосая, стройная, кареглазая – свет очей моих... Отрешённое состояние при «просмотре», выработанное практикой постижения памяти дало трещину – слишком большую часть жизни занимала она в жизни будущего шамана. Орки редко бывают однолюбам, а наличие второй-третьей жены у вождей, кузнецов и прочей элиты орочьего общества – практически правило. Но мои глаза не хотели смотреть больше ни на кого – сквозь всю жизнь пронёс я это светлое чувство.

Слияние ускорило, цепляя целые месяцы новообретаемой жизни – инициация в Горе Духов, охоты, рождение первенца – всё слилось в единый миг. Неимоверным усилием я приостановил круговорот памяти, стараясь переосмыслить полученное знание. Акцентируясь на шаманских практиках, я не получал того, что хотел. Призывы духов, создание тотемов – всё это легко (слишком легко!) мне давалось, но молодой шаман не задумывался, почему и как это работает. Конечно, я научился чувствовать духов, но это была практически голая практика. Как навык метания дротика – заученный рефлекс. Впрочем, мне грех жаловаться – в своём старом мире я вообще был лишён каких-либо мистических сил.

Лечебные зелья (многие из которых с магическим наполнением) не сильно отличались от готовки супа – главное, строго следовать рецепту, и оно получится. Когда получше-когда похуже, но этого хватало оркам – мы от природы сами по себе весьма крепкие существа. К этому следует добавить первую охоту, отбраковывающую слабаков и неудачников, да искреннюю веру, что это работает. Серьёзно, лечебные свойства многих трав простые соклановцы знали и без меня, но никто не утруждал себя приготовлением лекарств, веря, что шаман справится лучше.

Отрешаюсь от слияния, концентрирую усилия на своём магическом восприятии. Свет Фростморна уже не так слепит, но соваться к нему ещё рано. Насколько я понял, моё «укоренение» оказалось возможным благодаря тому, что получившийся артефакт был способен на развитие. Полного функционала доспехов я не знаю, но образовавшиеся связи с личами несли больше смысла, чем предполагалось изначально. Уже привыкнув к ментальному общению со своей свитой, я ощутил куда более тонкую и обширную связь. На ум пришла ситуация в пройденной мной игре, когда призрачный Кел'Тузед свободно общался с Артасом, уверяя того, что демоны его не услышат. Было бы наивно полагать, что натрезимы, мастера менталистики не могли контролировать армию немертвых, но факты говорили сами за себя. Чтож, буду исследовать появившиеся возможности, чтобы понять, как ими пользоваться.

«Подключаюсь» к Карнозлобу, не трогая ментального канала, стараясь сделать так, чтобы он не почувствовал моего присутствия. Погружение в орочий быт позволило лучше понять устройство разума моих сородичей, и теперь маго-энергетическая «картинка» приспешника стала полнее. Лезть что-то изменять я пока не стал, хоть и имел такую возможность, но открывшиеся перспективы радовали, внося позитив в моё незавидное существование.

Теперь обращаюсь к нему по ментальной связи, следя, к каким изменениям это приведёт над исследуемым. Предстоит ещё много работы, но по крайней мере сейчас я могу хоть вчерне обрисовать область, отвечающую за коммуникацию.

Помощь в постижении пришла оттуда, откуда не ждал. Благодаря двойственности нашей связи понял, что она несёт в себе многое из практики шаманизма. Не чётко выверенный конструкт арканы, а более глубокое взаимодействие, когда налаживаешь контакт с существом, восприятие которого миром отличается от твоего. Взаимное постижение...

Ты делишься своим восприятием с духом, а он, изменяясь, делится с тобой. Потому то и бессловесные медитации, тонкая настройка на нужное состояние. Со временем духи-контракторы лучше начинают понимать тебя, а ты – их. Шаманизм – область, лежащая вне интересов демонов, и, думаю, именно это позволит мне в дальнейшем защитить мои планы от внимания Плавающего Легиона. Концентрируюсь на связи, требуя, чтобы лич передал мне свои ощущения, перехватываю контроль и шевелю руками, ощупывая примотавшую «меня» цепь к ледяной глыбе. Интересно...

Несколько десятков «лет» спустя.

Я уже свыкся с новой жизнью, пропустив через себя многие годы моего спасителя. Не знаю, что ждало бы меня в пустой круговерти – новое воплощение или окончательный распад. Сейчас же я научился ценить те плюсы, что давало мне материальное воплощение. Книги и игры по вселенной Варкрафта были бедны на информацию, а потому было увлекательно следить за историей Дренора от первого лица. Кто бы мне сказал, что до войны с дренеями у

меня было ещё два ученика, пятеро детей и куча внуков?

Гул'Дан... Мой последний и самый способный ученик. Несмотря на увечье, он смог пройти первую охоту, а большой срок жизни позволил мириться с его недостатками. В чём-то мелочный и злобный, он с жаром постигал непростую науку говорящего с духами, ещё больше изнуряя своё тело долгими медитативными практиками. Не раз и не два приходилось отчитывать за перерасход магических трав, но он рвался к силе, не жалея себя. Тогда я думал, что будет на кого оставить клан, ведь мои духи-контракторы приняли его. Это позволяло кланам быстро восстанавливать потерянную магическую мощь, ведь не приходилось развивать их с нуля. А старший шаман уходил в недра Ошу'Гуна, помогая на праздниках советами своему ученику.

Рулькан тоже не стало, и я горевал. За эти годы я привык к ней, к теплу и заботе, и после её ухода шатёр опустел. Дела клана отвлекали от скорби, а следующий праздник у Священной Горы подарил новую радость – жена, в отличии от многих уходящих в неё духов, осталась. Всё тот же характер, привычки и слова, лишь помолодела. Воспоминание о ней пронзило болью моё сердца. Именно через её образ Кил'Джеден сумел обмануть меня, настраивая против дрениев.

Синекожие пришельцы были мирным народом, и кланы неплохо торговали с ними, выменивая руду, камни и продовольствие на орудия их мастеров. Такая качественная сталь могла служить поколениям, а стеклянные бусы были самым желанным украшением для наших женщин. Кто мог помыслить, что мы станем истреблять друг друга?

Но это свершилось, демон, мешая ложь и истину сумел убедить меня в опасности, исходящей от соседей. И угроза действительно была, пусть и косвенная. По следам изгнанников шли демоны, и разоряли все миры, где появлялись эти существа.

Спустя год, ненависть, разожжённая в сердцах орков нашла выход – клан Чёрной Горы пролил первую кровь. Охотничья партия дрениев была истреблена без потерь, и это ещё больше распалило сердца моего народа. Всё больше кланов вступало в Орду, присоединяясь к завоевательным походам. Совет вождей и шаманов избрали на роль верховного вождя Чернорука – главы самого большого и технологически развитого клана Дренора – Чёрной Горы.

Стычки следовали одна за другой, малые городки безжалостно разорялись, и миротворческая миссия Велена (главы дрениев) не принесла плодов. Встречать его повелели Дуротану – вождю клана Северных Волков. Это было испытание для него, ведь он часто сомневался в правильности суждения «духов». Движимый честью, он освободил пленника, зато мне в руки достался трофей – магические камни, что были при Велене. Именно тогда я впервые почувствовал, что Кил'Джеден вовсе не добр, а цели его – неизвестны. Впервые почувствовал ужас...

Память налилась силой, воспроизводя всё до малейшей детали:

- Я... разочарован, - прошептал Великий, переступив с одной ноги, оканчивающейся огромным раздвоенным копытом, на другую. - Но я скажу тебе вот что: виноват вождь клана Северного Волка, и ты больше никогда, слышишь, никогда не доверишь ему ответственного задания!

Радость, облегчение, надежда нахлынули мощной волной:

- Господин мой, конечно, никогда больше! Смотрите: мы нашли эти кристаллы для вас!

- Для меня они бесполезны.

Ужас сковал мои внутренности.

- Но думаю, они могут пригодиться твоему народу в битвах, чтобы уничтожить дренеев. Ведь это ваша битва, не так ли?

- Конечно, мой господин! Это ведь воля наших предков!

Кил'джеден глянул - и его сияющие глаза, казалось, извергали пламя.

- Это моя воля, - сказал просто.

- Конечно, это ваша воля, и я подчиняюсь вам во всем!

Отрешившись от пережитого, стал вспоминать, как исследовал оставленные камни. О, это были особые камни! Кристаллы, принесенные Дуротаном, оказались весьма полезными - ничего подобного орки не знали. Красный камень назвали Сердце Ярости и открыли: когда вождь отряда несет его с собой, не только он, но и весь отряд сражается яростнее и с большим мастерством. Камень отдавали каждому клану лишь на одну луну, и вскоре камень сделался вожделенной наградой.

Второй камень назвали Сияющая Звезда. У шамана, несущего кристалл, обострялся разум, он все видел яснее, лучше сосредотачивался. Сердце Ярости будило эмоции - Сияющая Звезда успокаивала их. Мыслилось точнее, и внешнее не так отвлекало. Магия давалась легче и легче управлялась - еще один залог орочьих побед. Какая насмешка над ненавистными дренеями: их же магия помогает сокрушить их! Это изрядно поднимало настроение оркам.

Минула зима, но сердце моё терзали сомнения. Втайне от всех я отправился в недра Священной Горы, чтобы в одиночку спросить совета у предков. Не тратя время на розжиг огня, в темноте добрался до сияющих вод. Берега были пустыми, и я стал молиться:

- О, предки... возлюбленные наши умершие... Я, Нер'Зул, шаман клана Призрачной Луны, вождь ваших детей, пришел искать - нет, молить о мудрости. Я... я потерял путь к вашему свету. Хотя мы стали сильнее, объединившись, стали единым народом - времена пришли темные и страшные.

- Я сомневаюсь в избранном пути и умоляю вас: помогите! Пожалуйста, если вы любите, если хоть когда-то любили тех, кто пришел в жизнь следом за вами, придите ко мне, дайте совет, чтобы я мог лучше вести их!

Голос мой задрожал, обрываясь. Слова прозвучали жалко и бессильно, и на мгновение вспыхнувшая упрямая гордость заставила покраснеть от стыда. Но ведь забота о народе превыше гордыни! Ради блага, ради верной дороги стоит умолять, в особенности, когда не знаешь, какой эта дорога должна быть...

Вода засветилась. Я склонился нетерпеливо, вглядываясь, и увидел лицо. «Рулькан!» На глаза навернулись слезы - и они на мгновение милостиво скрыли, размыли, сделали все нечетким. А когда рассмотрел, сердце зашлось от боли. Во взгляде Рулькан виделись лишь ненависть и презрение. Я отпрянул, будто от удара. А в воде всплывали все новые и новые лица, десятки лиц - и во всех читалось то же самое.

Мне стало дурно. Пошатнувшись, закричал:

- Пожалуйста, помогите! Явите мне мудрость, чтобы я снова смог добиться вашей милости!

Лицо Рулькан чуть смягчилось, и в ее голосе прозвучало сочувствие:

- Теперь ты ничего не сможешь сделать, хоть бы и старался сотню лет. Тебе не заслужить нашего прощения. Ты не спаситель нашего народа - но предатель его.

- Нет! Умоляю, скажите мне, что делать, и я сделаю! Ведь еще не поздно, я знаю, не поздно...

- Ты слишком слаб, - произнес рокочущий мужской голос. - Если б был сильным, не поддался бы искушению, не стал бы игрушкой в руках того, кому безразличен наш народ.

- Но я не понимаю... Рулькан, ты же приходила ко мне, я слышал! Ты, Грек'Шар, ведь ты советовал мне! Вы привели Кил'Джедена ко мне! Ведь он - Великий друг всех орков...

Рулькан ничего не ответила. Да и сам, говоря, вдруг понял, как глубоко и страшно был обманут. Предки не приходили ко мне. Видения были всего лишь мороком, насланным

Кил'Джеденем. Предки правы в недоверии – любой шаман, позволивший так себя провести, недостоин исправить причиненное зло.

Мда уж. Прочувствовать такое повторно было ужасно. Трудно было отделить своё восприятие от Нер'Зула, и я в полной мере испытал всё с ним произошедшее. Этот переломный момент стал началом конца – отвернувшиеся духи, отказавшие в помощи ударили сильнее лжи главного демона. Если я – самый сильный и искусный шаман не в праве и не в силах спасти свой народ, то кто может?! Где выход?!

Гронн! Как же неприятно! Процесс слияния с памятью вышел из-под контроля, события всё ускорялись, сливаясь в смазанное пятно, и лишь отдельные потрясения на мгновение выводили меня из ступора. Вот ученик рассказал о моей отлучке Кил'Джедену. Колыхнулась робкая надежда, что Великий меня убьёт, но тот поступил куда более жестоко – оставил наблюдать, как жизнь утекает из мира. Стихии прекратили отзываться на призывы, и окри начали нести серьёзные потери. Шаманы, под предводительством ученика призывают демонов, становясь чернокнижниками. Лето без дождя, и зима без снега – климат необратимо меняется, убивая жаждой и голодом всё живое... Письмо, написанное украдкой вождю Северных Волков, чтобы он не пил кровь демона, а после сознание моё померкло.

Может, это и неплохо, что я отключился. Даже в таком сомнамбулическом состоянии отголоски пыток, которым меня подвергал Великий Эредар оставили неизгладимый след. Зато теперь я обрёл настоящую целостность – Ледяная Скорбь больше не может вырвать меня из доспехов и заключить в лезвие. Теперь мы едины!

Магическое возмущение оторвало меня от созерцания своего сокровища, и я обратил свой «взор» «наружу». Неопределённая хмарь оказалась разорвана круглой аномалией, слишком чёткой для этого места. В центре её виднелись безбрежные льды, кое-где скрытые облаками. Жди меня, Азерот!

<http://tl.rulate.ru/book/25802/539526>